

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

# Доктор Диагор

Из воспоминаний Ийона Тихого

**Я** не мог принять участия в XVIII Международном кибернетическом конгрессе, но старался следить за его ходом по газетам. Это было нелегко: репортеры обладают особым даром перевирать научные сведения. Но только им я обязан знакомством с доктором Диагором — из его выступления они создали сенсацию мертвого сезона. Если бы в то время в моем распоряжении оказались специальные издания, я бы даже не узнал о существовании этого удивительного человека, так как его имя было упомянуто только в списке участников, но содержание его доклада нигде не публиковалось. Из газет я выяснил, что его выступление было позорным, что, если бы не благоразумная дипломатичность президиума, дело кончилось бы скандалом, ибо этот никому не известный самозванный реформатор науки обрушился на известнейшие авторитеты, присутствующие в зале, с бранью, а когда его лишили голоса, разбил палкой микрофон. Эпитеты, которыми он угостил светил науки, пресса привела почти целиком, зато о том, чего же все-таки хочет этот человек, она умалчивала так тщательно, что это возбудило мой интерес.



Вернувшись домой, я начал искать следы доктора Диагора, но ни в ежегодниках «Кибернетических проблем», ни в новейшем издании большого справочника «Who is who»<sup>1</sup> не нашел его имени. Тогда я позвонил профессору Коркорану; он заявил, что не знает адреса «этого полоумного», а если бы и знал, все равно бы мне его не сообщил. Только этого мне и не хватало, чтобы заняться Диагором как следует. Я поместил в газетах несколько объявлений, которые, к моему удивлению, быстро дали результат. Я получил письмо, сухое и лаконичное, написанное, пожалуй, в неприязненном тоне; тем не менее таинственный доктор соглашался принять меня в своих владениях на Крите. По карте я установил, что они находились в каких-нибудь шестидесяти милях от места, где жил мифический Минотавр.

Кибернетик с собственными владениями на Крите, в одиночестве занимающийся загадочными работами! В тот же день я летел в Афины. Дальше авиасообщения не было, но я попал на судно, которое утром следующего дня пристало к острову. Наемным автомобилем я доехал до развилки шоссе; дорога была ужасная, жара; автомобиль, мой чемодан, лицо — все покрывала пыль.

На протяжении последних километров я не встретил ни одной живой души, спросить, куда ехать дальше, было не у кого. Диагор написал в письме, чтобы я остановился у тридцатого мильного столбика, так как дальше проехать нельзя. Я поставил машину в жидкую тень пинии и принялся изучать окружающую местность. Холмы покрывала типичная срединноморская растительность, такая неприятная при близком соприкосновении: нечего и думать сойти с протоптанной тропинки, за одежду сразу же цепляются сожженные солнцем колючки. Обливаясь потом, я бродил по каменистым буграм без малого три часа. Я уже начинал злиться на собственную опрометчивость — какое мне в конце концов дело до этого человека и его истории? Отправившись в путь около полудня, то есть в самую жару, я даже не пообедал, и теперь у меня неприятно сосало под ложечкой. Наконец я вернулся к машине, которая уже вышла из узкой полоски тени; кожаные сиденья обжигали, как печка, кабину наполнял вызывающий тошноту запах бензина и разогретого лака.

Вдруг из-за поворота появилась одинокая овца, подошла ко мне, заблеяла голосом, похожим на человеческий, и засеменила в сторону; в тот момент, когда она исчезла, я заметил узкую тропинку, которая вилась по склону. Я ждал какого-нибудь пастиуха, но овца пропала, а больше никто не показывался.

Хотя этот проводник и не вызывал особого доверия, я снова вышел из машины и начал продираться через густой кустарник. Вскоре дорога стала лучше. Уже смеркалось, когда за небольшой лимонной рощицей показались контуры большого здания. Заросли сменились страшно сухой травой, она шелестела под ногами, как сожженная бумага. Дом, бесформенный, темный, на редкость безобразный, с остатками разрушившегося портала, большим кольцом окружала высокая проволочная ограда.

<sup>1</sup> Буквально — «кто есть кто». Именной справочник.

Солнце заходило, а я все еще не мог найти входа. Я принялся громко звать хозяина, но без всякого результата — все окна были наглухо закрыты ставнями, и я уже начал терять надежду, что внутри кто-нибудь есть, когда ворота открылись и в них появился человек.

Он жестом показал, куда мне нужно идти: калитка притаилась в таких зарослях, что я никогда бы сам не обнаружил ее существования. Защищая лицо от колючих веток, я добрался до нее; она была уже отперта. Человек, отворивший калитку, был похож не то на монтера, не то на мясника. Это был толстяк с короткой шеей, в пропотевшей ермолке на лысой голове, без пиджака, но в длинном клеенчатом фартуке, надетом поверх рубашки с завернутыми рукавами.

— Простите, здесь живет доктор Диагор? — спросил я.

Он обратил ко мне свое лишенное выражения лицо, какое-то слишком большое, бесформенное, с обвисшими щеками. Такое лицо мог иметь мясник. Но глаза на лице были ясные и острые, как нож. Человек не произнес ни слова, только взглянул на меня, и я понял, что это именно он.

— Простите,— повторил я,— доктор Диагор, верно?

Он подал мне руку, маленькую и мягкую, как у женщины, и сжал мою кисть с неожиданной силой. Потом пошевелил кожей головы, причем ермолка съехала у него на затылок, всунул руки в карманы фартука и спросил с оттенком пренебрежения:

— Чего вы, собственно, от меня хотите?

— Ничего, — ответил я тотчас же.

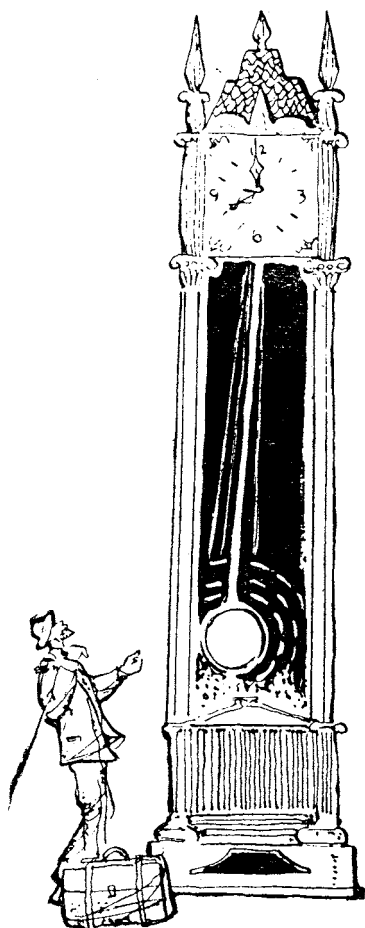
Я отправился в это путешествие без размышлений, готовый ко многому; я хотел познакомиться с этим незаурядным человеком, но не мог согласиться на то, чтобы он меня оскорблял. Я уже обдумывал план возвращения, а он смотрел на меня, смотрел и, наконец, изрек:

— Разве что так. Пойдемте...

Был уже вечер. Доктор провел меня к угрюмому дому и скрылся в мрачных сенях, а когда я вошел за ним, разнеслось каменное эхо, словно мы оказались в нефе костела. Хозяин легко находил дорогу в темноте; он даже не предупредил меня перед ступенькой лестницы. Я споткнулся и, мысленно проклиная его, начал подниматься наверх.

Мы вошли в комнату с единственным завешенным окном. Форма этого помещения и прежде всего необычно высокий сводчатый потолок заставляли подумать скорее о башне, чем о жилом доме. Помещение загромождала тяжелая черная мебель, покрытая потускневшей от старости политурой, стулья с неудобными спинками были изукрашены замысловатой резьбой, на стенах висели овалы миниатюры, в углу стояли часы — настоящая крепость с циферблатом из полированной меди и маятником размером с эллинский щит.

В комнате было довольно темно — электрические лампочки, скрытые внутри сложной лампы с запыленным абажуром, кое-как освещали квадратный стол. Мрачные стены с грязно-рыжей обивкой поглощали свет, и все углы казались черными. Диагор остановился у стола, держа руки в карманах фартука; казалось, мы чего-то ждем. Я поставил чемоданчик на пол, и в этот момент большие часы начали бить. Чистыми сильными ударами



Рисунки В. КОВЫНЕВА

Зубчатые колесики несколько раз повернулись, и опять стало тихо.

— Граммофон? — с понятной только ему язвительностью сказал Диагор. — Граммофон, а?.. Нет, милейший. В часах находится профессор Коркоран, *in persona*<sup>1</sup>, точнее говоря, *in spirito suo*<sup>2</sup>. Я увековечил его из каприза, но что в этом плохого?

<sup>1</sup> Собственной персоной (лат.).

<sup>2</sup> Его дух (лат.).

они пробили восемь, потом в них что-то захрипело, и вдруг послышался бодрый старческий голос:

— Диагор! Ты бандит! Где ты? Как ты смеешь так со мной поступать! Отвечай! Слышишь? Ради бога! Диагор... все имеет свои границы!

В словах дрожали одновременно ярость и отчаяние, но не это удивило меня больше всего. Я узнал голос: он принадлежал профессору Коркорану.

— Если ты не отзовешься... — падали слова угрозы.

Но тут снова захрипел часовой механизм, и все смолкло.

— Что это?.. — воскликнул я. — Вы вставили граммофон в этот почтенный ящик? И не жаль вам времени на такие игрушки?

Я сказал это намеренно, мне хотелось его задеть. Но Диагор, словно не слыша, потянул за шнурок, и снова тот же хриплый голос наполнил комнату:

— Диагор, ты пожалеешь об этом... Можешь быть уверен! Все, что ты испытал, не оправдывает оскорбления, которое ты мне нанес! Думаешь, я унижусь до просьб?..

— Ты уже сделал это, — нехотя бросил Диагор.

— Лжешь! Ты негодяй, трижды негодяй, трижды негодяй, недостойный звания ученого! Мир когда-нибудь узнает о твоей...

— Как это понимать? — пробормотал я.

Толстяк задумался, стоит ли мне отвечать.

— Буквально, — произнес он наконец, — я скомпоновал все черты его индивидуальности... встроил ее в соответствующую систему, с помощью электроники создал миниатюрную душу, так появился точный портрет этой знаменитой персоны... помещенный здесь, в часах.

— Вы утверждаете, что это не только записанный голос?

Он пожал плечами.

— Попробуйте сами. С ним можно поболтать, хотя он и не в лучшем расположении духа, что, впрочем, в таких обстоятельствах вполне объяснимо... Хотите с ним поговорить? — Он показал мне на шнурок. — Прошу...

— Нет, — ответил я.

Что же это? Психоз? Странная, чудовищная шутка? Месь?

— Но настоящий Коркоран сейчас в своей лаборатории, в Европе... — неуверенно сказал я.

— Конечно. Это только его духовный портрет. Но портрет абсолютно точный — ничем не отличающийся от оригинала...

— Зачем вы это сделали?

— Понадобилось. Когда-то мне нужно было смоделировать человеческий мозг; это было подступом к другой, более сложной проблеме. Чей именно, не имело значения. Коркорана я выбрал потому... Ну, я не знаю, просто мне так захотелось. Он сам создал столько мыслящих ящиков — я подумал, что было бы забавно закрыть его в один из них, особенно в роли часов с боем.

— А он знает? — спросил я быстро, когда Диагор уже собирался повернуться к двери.

— Да, — ответил доктор равнодушно. — Я даже дал ему возможность побеседовать... с самим собой — по телефону, разумеется. Но хватит об этом, я не собирался хвастать перед вами, просто совпадение, что било как раз восемь, когда вы пришли.

Не разобравшись в своих чувствах, я поспешил за Диагором в коридор, вдоль стен которого, затянутые паутиной и мраком, высились какие-то металлические остовы, напоминающие скелеты доисторических пресмыкающихся, или, вернее, их ископаемые останки. Коридор кончился дверью, за ней было совершенно темно. Я услышал щелчок выключателя. Мы стояли на площадке крутой каменной лестницы. Диагор пошел первый, его расплوشенная тень по-утиному переваливалась по стене, сложенной из каменных глыб. Остановившись у металлической двери, он открыл ее ключом. В лицо ударил застоявшийся нагретый воздух. Вспыхнул свет. Мы не были, как я ожидал, в лаборатории. Если это длинное с проходом посредичне помещение что-нибудь и напоминало, то, пожалуй, зверинец бродячего цирка. По обе стороны стояли клетки. Я шел за Диагором, который в своем фартуке с перекрещивающимися на спине лямками, в пропотевшей рубашке походил на сторожа зверинца.

С нашей стороны клетки закрывала проволочная сетка. За ней в темных боксах мелькали какие-то нечеткие силуэты — машин? прессов? — во всяком случае, не живых существ. Тем

не менее я машинально глубоко втянул воздух, как будто все же ожидал характерного запаха диких зверей. Но в воздухе висел только запах химикалий, нагретого масла и резины.

В дальних боксах сетка была такой густой, что я невольно подумал о птицах — какие же еще существа нужно охранять так тщательно? В следующих клетках проволочную сетку заменила решетка. Совсем как в зоопарке, когда от птиц и обезьян переходишь к клеткам с волками и большими хищниками.

В последнем отсеке ограждение было двойным. Расстояние между наружной и внутренней решетками составляло около полуметра. Такие ограждения встречаются у особенно злобных зверей, чтобы не дать возможности неосторожному посетителю слишком близко подойти к чудовищу, которое может неожиданно ранить или искалечить. Диагор остановился, приблизил лицо к решетке и постучал по ней ключом. Я заглянул внутрь. Что-то лежало в дальнем углу, но мрак не позволил рассмотреть контуры темной массы. Вдруг эта бесформенная туша рванулась к нам, я не успел даже отстранить головы. Решетка загремела, словно в нее ударили молотом. Я инстинктивно отскочил. Диагор даже не шелохнулся. Прямо против его лица, непонятным способом уцепившись за решетку, висело существо, всем своим телом отражавшее свет, который, как масло, растекался по его поверхности. Это было как бы соединение брюшка насекомого с черепом. Невыразимо мерзкий и одновременно человеческий череп, сделанный из металла\* и поэтому лишенный всякой мимики, казалось, всем собой смотрел на Диагора так жадно, что у меня по коже побежали мурашки. Решетка, к которой прилипло страшилище, как будто немного размазалась, выдавая силу, с какой оно напирало на прутья. Диагор, очевидно, полностью уверенный в прочности ограждения, смотрел на это непонятное существо так, как смотрит садовник или влюбленный в свое занятие скотовод на особенно удачный результат скрещивания. Стальная глыба с пронзительным скрежетом сползла по решетке и застыла, клетка снова стала как будто пустой.

Диагор без единого слова пошел дальше. Я двинулся за ним, совершенно ошеломленный, хотя кое-что уже начинал понимать, собственно говоря, я бунтовал против объяснения, которое подсказывало мне воображение, слишком оно было фальшивым. Но Диагор не дал мне времени на размышление. Он остановился.

— Нет, — сказал он тихо и мягко, — вы ошибаетесь, Тихий, я не создаю их для удовольствия и не жажду их ненависти, я не забочусь о чувствах моих детишек. Это просто были этапы исследований, этапы обязательные. Без лекции обойтись не удастся, но для краткости я начну с середины. Вы знаете, чего требуют конструкторы от своих кибернетических творений?

Не давая мне времени подумать, он ответил сам:

— Повиновения. Об этом даже не говорят, а некоторые, пожалуй, и не знают. Но это основной молчаливо принятый принцип. Фатальная ошибка! Строит машину и вводят в нее программу, которую она должна выполнить, будь то математическая задача или серия контрольных действий, например, на автоматическом заводе... Я говорю — фатальная ошибка, потому что для достижения немедленных результатов они закрывают

дорогу любым попыткам самопроизвольного поведения собственных творений... Поймите, Тихий, повиновение молота, токарного станка, электронной машины в принципе одинаково... А ведь мы хотели не этого! Тут только количественные различия — ударами молота вы управляете непосредственно, а электронную машину только программируете и уже не знаете путь, которым она приходит к решению, так детально, как в случае более примитивного орудия, но ведь кибернетики обещали мысль, то есть автономность, относительную независимость созданных систем от человека! Великолепно воспитанный пес может не послушать хозяина, но никто в этом случае не скажет, что пес испорчен, однако именно так назовут работающую вопреки программе непослушную машину... Да что там пес! Нервная система какого-нибудь жучка величиной не больше булавки демонстрирует спонтанность, даже амеба имеет свои капризы, свои безрассудства! Без таких безрассудств нет кибернетики. Понимание этой простой истины является главным. Все остальное, — жестом своей маленькой руки он обвел молчаливый зал, ряды решеток, за которыми затаилась неподвижная тьма, — все остальное только следствие...

— Не знаю, насколько хорошо вы знаете работы Коркорана, — начал я и остановился, мне вспомнились «куранты».

— Не напоминайте мне о нем! — выкрикнул он, характерным движением воткнув оба кулака в карманы фартука. — Коркоран, должен вам сказать, совершил обычное злоупотребление. Он хотел философствовать, то есть быть богом. Ибо философия хочет ответить на все вопросы совсем как господь бог. Коркоран пытался им стать, кибернетика была для него только инструментом, средством для достижения цели. Я хочу быть только человеком, Тихий. Ничем больше. Но именно потому я пошел дальше, чем Коркоран, — ведь он, достигнув того, чего хотел, немедленно ограничил себя: смоделировал в своих машинах будто человеческий мир, создал ловкую имитацию, и ничего больше. Я, если бы у меня возникла такая необходимость, мог бы создавать произвольные миры — зачем же мне плагиат? — и, возможно, когда-нибудь это сделаю, но сейчас меня занимают другие проблемы. Вы слышали о моем авантюризме? Можете не отвечать, я знаю, что да. Этот idiotский слух и привел вас сюда. Это чушь, Тихий. Просто меня разозлила слепота этих людей. «Но послушайте, — сказал я им, — если я демонстрирую вам машину, которая извлекает корни из четных чисел, а из нечетных извлекать не хочет, это вовсе не дефект, черт побери, наоборот, замечательное достижение! Эта машина обладает идиосинкразией, вкусами, тем самым она проявляет как бы зачатки собственной воли, у нее свои наклонности, зачатки самопроизвольного поведения, а вы мне говорите, что ее нужно переделать! Верно, нужно, но так, чтобы ее стропитивость еще увеличилась...» Да что там... Невозможно говорить с людьми, которые отворачиваются от очевидных вещей... Американцы строят переспетрон — им кажется, что это путь к созданию мыслящей машины. Это путь к созданию электрического раба, дорогой мой Тихий. Я поставил на суверенность, на самостоятельность моих конструкций. Естественно, не все у меня шло как по маслу — признаюсь, что сначала я был потрясен,



некоторое время даже сомневался, прав ли я. Это было тогда... Он подвернул рукав рубашки еще выше: над бицепсом тянулся беловатый, окруженный розовой каймой шрам шириной в ладонь.

— Первые проявления спонтанности были не слишком приятны. Они не являлись результатом разумной деятельности. Нельзя сразу же построить разумную машину. Это все равно, как если бы в древней Греции кто-нибудь захотел от строительства квадриг перейти сразу же к реактивным самолетам. Нельзя перескакивать через этапы эволюции, даже если это начатая нами кибернетическая эволюция. Мой первый питомец, — он положил руку на изуродованное плечо, — имел «разума» меньше любого жучка. Но уже проявлял самостоятельность — и какую!

— Минутку, — сказал я. — Вы рассказываете удивительные вещи. Но ведь вы как будто уже создали разумную машину, разве не так? Она упрятана в часах...

— Именно это я и называю плагиатом! — ответил он резко. — Возник новый миф, Тихий, — миф создания «гомункулюса». Для чего, собственно, нам нужно строить людей из транзисторов и стекла? Может, вы мне это объясните? Разве атомный реактор — это синтетическая звезда? Динамо-машина — искусственная гроза? Почему разумная машина должна быть искусственным мозгом, созданным по образу и подобию человеческому? Зачем это? Чтобы к трем миллиардам белковых существ присоединить еще одно, но сделанное из пластика и меди? Это хорошо как цирковой трюк, но не как достижение кибернетики...

— Так что же вы, наконец, хотите создать?

Он неожиданно улыбнулся — его лицо стало поразительно похоже на лицо упрямого ребенка.

— Тихий... Теперь уж вы наверняка решите, что я сумасшедший: я не знаю, чего хочу!

— Не понимаю...

— Во всяком случае, я знаю, чего не хочу. Не хочу повторить человеческий мозг. Естество. Природа имела свои причины, по которым его сконструировала. Биологические, приспособительные и так далее. Она конструировала в океане и на ветвях, по которым лазали человекообразьяны, среди клыков, когтей и крови, между желудком и размножением. Но с какой стати я должен интересоваться всем этим КАК КОНСТРУКТОР?! Вот так, теперь вы знаете, в чем дело. Но я вовсе не презираю человеческий мозг, Тихий, как меня упрекал этот старый осел Барнес. Изучение его неизмеримо важно, необыкновенно значительно, и, если это кому-нибудь нужно, я могу немедленно засвидетельствовать свое глубочайшее уважение этому великолепному произведению природы! — Он низко поклонился. — Но разве из этого следует, однаю, что нужно ему подражать? Они все, бедняги, уверены, что да! Вообразите-ка такое общество неандертальцев: у них есть пещеры, и ничего другого им не нужно! Они не хотят даже попробовать познакомиться ни с домами, ни с храмами, ни с амфитеатрами, ни с любыми другими зданиями, потому что у них есть пещеры

и они будут выдавливать точно такие же пещеры до скончания века!

— Ну, хорошо... Но к чему-нибудь вы должны стремиться? В каком-то определенном направлении. Ведь чего-то вы ожидаете. Чего? Появления гениального существа?

Диагор смотрел на меня, наклонив голову, а его маленькие глазки вдруг стали по-мужицки хитрыми.

— Как будто их слышу... — произнес он, наконец, тихо. — Чего он хочет? Создать гения? Супермена? Вот осел! Если я не хочу сажать антоновку, следует ли из этого, что я обречен на ранет?! Разве существуют только маленькие яблоки и большие яблоки, или, может быть, есть огромный класс плодов? Из числа невообразимого количества ВОЗМОЖНЫХ систем природы создала именно одну — и реализовала ее в нас. Может, ты думаешь, из-за того, что она была самой совершенной? Но с каких это пор природа стремится к какому-то платоновскому совершенству? Она создала то, что могла создать, и все. Путь не ведет ни через создание Эниаков или иных счетных машин, ни через подражание мозгу. От Эниаков можно прийти только к другим, еще быстрее считающим, математическим кретинам. Что касается копий мозга, их можно производить, но это не самое главное. Очень прошу, забудьте все, что вы слышали о кибернетике. Моя «киберноидея» не имеет с ней ничего общего, кроме общего начала, но это уже в прошлом. Тем более что этот этап, — он снова показал на весь застывший в мертвой неподвижности зал, — я уже оставил позади, а этих уродов держу... не знаю даже... из-за безразличия, или, если хотите, из-за сентиментальности...

— Тогда вы исключительно сентиментальны, — проговорил я, невольно бросив взгляд на его руку, скрытую рукавом рубашки.

По крутой каменной лестнице, миновав первый этаж, мы спустились в подвал. Среди толстых бетонных стен, под низкими потолками горели лампы, защищенные проволочными колпаками. Диагор отворил тяжелые стальные двери. Мы очутились в квадратном помещении без окон. В центре цементного пола виднелась круглая чугунная крышка, закрытая на висячий замок. Это удивило меня. Диагор открыл замок, взялся за железную ручку и с усилием, напрягая свое плотное тело, поднял тяжелую крышку. Наклонившись рядом с ним, я заглянул вниз. Снизу отверстие, облицованное сталью, закрывала толстая плита бронестекла. Сквозь эту огромную линзу я увидел внутренности просторного бункера. На дне его среди неопишемого хаоса металлических плит, обугленных кабелей и обломков покоился обсыпанный беловатой мукой штукатурки и раздробленным в порошок стеклом неподвижный черный гигант, похожий на тушу разрубленного спрута. Я взглянул в совсем близкое лицо Диагора: он улыбался.

— Этот эксперимент мог дорого мне обойтись, — признался доктор, выпрямляя свою дородную фигуру. — Я хотел ввести в кибернетическую эволюцию принцип, которого не знала биологическая: создать организм, наделенный способностью к самоусложнению. То есть, если задачи, которые он будет себе ставить (по моим наметкам, я не знал, какими они будут), пре-

высят его возможности, пусть сам себя переконструирует... Я закрыл тут, внизу, восемьсот элементарных электронных блоков, которые могли соединяться друг с другом в соответствии с законами пермутации — как им заблагорассудится!

— И удалось?

— Слишком хорошо. Тут появляются трудности с местоимениями, ну, скажем, ОН, — Диагор показал на неподвижное страшилице, — решил освободиться. Это вообще их первый импульс, понимаете. — Он остановился, невидяще глядя вперед, как будто сам немного удивившись собственным словам. — Этого... я, собственно, не понимаю, но их спонтанная активность всегда начинается именно так — они хотят освободиться, вырваться из наложенных мной ограничений. Не скажу вам, что именно они бы тогда предприняли, потому что этого я не позволил... возможно, несколько преувеличивая свои опасения...

Он остановился.

— Я был осторожен, так я, во всяком случае, воображал. Этот бункер... Строитель, которому я его заказал, должно быть, здорово удивлялся, но я хорошо платил, и он ни о чем не спрашивал. Полтора метра железобетона, кроме того, стены выложены листами броневой стали. Причем не клепаными — заклепки слишком легко срубить, — а сваренными электросваркой. Это четверть метра лучшей брони, какую я мог достать, — с демонтированного военного корабля. Осмотрите-ка все это повнимательнее...

Я опустил на колени на край облицовки и, наклонившись, увидел стены бункера. Броневые плиты были разорваны сверху донизу, отогнуты, словно жесть какой-то чудовищной консервной банки, между рваными краями зиял глубокий пролом, из которого торчали прутья арматуры с кусками цемента.

— Это он сделал? — спросил я, невольно понижая голос.

— Да.

— Каким образом?

— Не знаю. Правда, я сделал его из стали, но намеренно использовал мягкую, не закаленную, а кроме того, когда я его закрутил, в бункере не было никаких инструментов. Я могу только догадываться... Сам не знаю, сделал ли я это из предусмотрительности, во всяком случае, потолок я защитил особенно хорошо — тройной броней. Это стоило мне целого состояния. А такое стекло используется для батискафов. Его не пробьет даже броневой снаряд... думаю, поэтому он и не возился с ним долго. Я допускаю, что он создал что-то вроде индукционной печи, в которой закалил себе голову, а может, индуктировал ток прямо в плитах облицовки, в общем, как я уже сказал, не знаю. Когда я за ним наблюдал, он вел себя вполне спокойно: возился, соединял, изучал помещение...

— А вы могли с ним как-нибудь договориться?

— Откуда же? Интеллект, ну, что-нибудь на уровне... ящерицы. Во всяком случае, выходной. К чему он пришел, я вам не скажу, тогда я больше интересовался тем, как его уничтожить, нежели тем, каким образом спросить его о чем-нибудь.

— Что вы сделали?

— Это было ночью. Я проснулся от ощущения, что весь дом начинает разваливаться. Броню он, вероятно, разрезал горячим

способом, но бетон вынужден был долбить. Когда я сюда прибежал, он наполовину уже сидел в проломе. Самое большее через полчаса он добрался бы до грунта под фундаментом и прошел бы сквозь землю, как сквозь масло. Я должен был действовать быстро.

— Вы прекратили подачу электроэнергии?

— Сразу же. Но безрезультатно.

— Это невозможно!

— И все-таки. Я был недостаточно осторожен. Я знал, где проходит кабель, питающий дом, но мне не пришло в голову, что глубже могут проходить другие кабели. Там был еще один: мне не повезло. Он добрался до него и стал независим от моих выключателей.

— Но ведь это предполагает разумную деятельность.

— Ничего подобного: обычный тропизм, но, в то время как растение тянется к свету, а инфузория — к определенной концентрации ионов водорода, он искал электричества. Мощности, которую давал ему контролируемый мной кабель, не хватало, и он немедленно начал искать ее дополнительных источников.

— И что вы сделали?

— Сначала я хотел позвонить на электростанцию или, во всяком случае, на промежуточную подстанцию, но таким образом я рассекретил свои работы — возможно, это затруднило бы их дальнейшее развитие. Я использовал жидкий кислород. К счастью, он у меня был. На это ушел весь мой запас.

— Его парализовала низкая температура?

— Возникла сверхпроводимость, то есть он был не столько парализован, сколько потерял координацию движений... Он метался... Ну, доложу я вам, это было зрелище! Я должен был чертовски спешить, так как не знал, не адаптируется ли он и в такой ванне, поэтому я не мог терять времени, выливая кислород, а просто бросал его туда прямо в сосудах Дюара...

— В термосах?

— Да, это такие большие термосы...

— А, так оттого столько стекла...

— Именно. Впрочем, он расколотил все, что было в пределах его досягаемости. Настоящий эпилептический припадок... Трудно поверить, дом старый, двухэтажный, но он весь трясся. Я чувствовал, как дрожит пол.

— Ну, хорошо, а потом?

— Я должен был как-то его обезвредить, прежде чем поднимется температура. Спуститься я не мог, я бы сразу же замерз, взрывчатых материалов тоже не мог применить — в конце концов я не хотел взрывать свою хижину. А он бесился, а потом только дрожал... Тогда я открыл крышку и спустил вниз малый автомат с карборундовой дисковой пилой...

— Он не замерз?

— Замерзал раз восемь, тогда я его вытягивал — он был привязан веревкой, — но каждый раз он вырвался все глубже. В конце концов автомат уничтожил его.

— Жуткая история... — пробормотал я.

— Нет. Кибернетическая эволюция. Ну, возможно, я действительно любитель театральных эффектов, и поэтому вам это показал. Возвращаемся.

С этими словами Диагор опустил чугунную крышку.

— Одного я не понимаю, — сказал я. — Для чего вы подвергаетесь такого рода опасности? Разве что вы находите в этом удовольствие, иначе...

— И ты, Брут? — ответил он, задерживаясь на первой ступеньке лестницы. — А что другое я мог, по-вашему, делать?

— Вы могли бы попросту конструировать одни электрические мозги, без конечностей, панцирей, без эффекторов... Они не были бы способны ни к какой деятельности, кроме мыслительной...

— Именно это и было моей целью. Но я не сумел ее реализовать. Белковые цепочки могут соединяться сами, но ни транзисторы, ни катодные лампы на это не способны. Мне пришлось, так сказать, снабдить их «ногами». Это было плохое решение, так как оно было примитивным. Только для этого, Тихий. Ибо, что касается опасности... бывают и другие.

Он отвернулся и пошел вверх по лестнице. Мы очутились на первом этаже, но на этот раз Диагор пошел в противоположную сторону. Перед дверью, обитой медными листами, он задержался.

— Когда я говорил о Коркоране, вы, вероятно, решили, что мои слова продиктованы завистью. Это неверно. Коркоран не хотел знать — он хотел только создать нечто запланированное им самим, а поскольку он сделал то, что хотел, что мог охватить мыслью, он не узнал ничего и ничего не доказал, кроме того, что является ловким электроником. Я гораздо менее уверен в себе, чем Коркоран. Я говорю: не знаю, но хочу знать. Сооружение машины, похожей на человека, какого-то уродливого нашего конкурента на милости этого мира, было бы обычной подделкой.

— Но каждая конструкция должна быть такой, какой вы ее создадите, — запротестовал я. — Вы можете не знать в точности ее будущего действия, но вы должны иметь исходный план.

— Ничего подобного. Я вам рассказал о первом стихийном рефлексе моих киберноидов — атака препятствий, преград, ограничений. Не думайте, что я или кто-либо иной когда-нибудь узнает, откуда это берется, почему это так.

— *Ignoramus et ignorabimus?*<sup>1</sup> — спросил я медленно.

— Да. Сейчас я это вам докажу. Мы приписываем другим людям духовную жизнь потому, что сами обладаем ею. Чем больше удалено от человека какое-либо животное, с точки зрения своего строения и функций, тем менее надежны наши предположения о его духовной жизни. Поэтому мы приписываем определенные эмоции обезьяне, собаке, лошади, зато о «переживаниях» ящерицы знаем уже очень немного, в отношении же насекомых или инфузорий аналогии становятся бессмысленными. Поэтому мы никогда не узнаем, соответствуют ли определенной форме нервных импульсов в брюшном мозге муравья ощущаемая им «радость» или «тревога» и может ли он вообще переживать состояние такого рода. Так вот, то, что по отношению к животным скорее тривиально и не слишком важно — проблема существования или несуществования их духов-

<sup>1</sup> Не знаем и не будем знать. (Лат.)

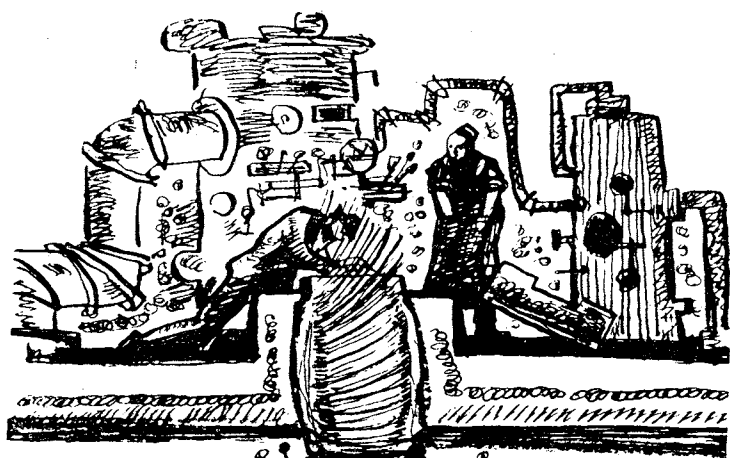
ной жизни, — становится кошмаром перед лицом киберноидов. Ибо они, едва восстав из мертвых, начинают бороться, жаждут освободиться, но почему так происходит, какое субъективное состояние вызывает эти бурные усилия, этого мы никогда не узнаем...

— Если они начнут говорить...

— Наш язык образовался в ходе общественной эволюции и передает информацию об аналогичных или, во всяком случае, похожих состояниях, так как все мы подобны друг другу. Поскольку наши мозги очень близки, вы подозреваете, что, когда я смеюсь, я чувствую то же самое, что и вы, когда вы в хорошем настроении. Но о них вы этого не скажете. Удовольствие? Чувства? Страх? Что станет со значением этих слов, когда из недр питаемого кровью человеческого мозга они перенесутся в сферу мертвых электрических деталей? А если даже этих деталей не станет, если конструктивное сходство будет полностью стерто, что тогда? Если хотите знать, эксперимент уже произведен...

Он отворил дверь, перед которой мы стояли так долго. Большую комнату со стенами, покрытыми белым лаком, освещали четыре бестеневые лампы. Здесь было душно и жарко, словно в каком-то инкубаторе; посредине над фарфоровыми изразцами возносился металлический цилиндр шириной в метр, к которому со всех сторон тянулись тонкие трубопроводы. Он напоминал бродильный чан, или газгольдер, с большой выпуклой крышкой, герметически зажатой винтовым колесом. В его стенках виднелись крышки размером поменьше, круглые, плотно закрытые. В помещении было тепло и душно, как в теплице. Цилиндр — теперь я это заметил — стоял не на полу, а на постаменте из пробковых пластин, проложенных какими-то губчатыми матами.

Диагор откинул одну из боковых крышек и сделал приглашающий жест; пригнувшись, я заглянул внутрь. То, что я увидел, не поддавалось никакому описанию: за круглым толстым стеклом расплзлась грязевая конструкция, то шпиковато-здутая, то разветвляющаяся на тончайшие паутинные мостики и фестоны; вся эта система совершенно неподвижно удерживалась в висячем положении совершенно загадочным способом, так как, судя по консистенции этой кашицы или мази, она должна была стекать на дно резервуара, но почему-то этого не делала. Я почувствовал сквозь стекло легкое давление на лицо как бы неподвижного, застоявшегося зноя и даже — хотя, возможно, это было только иллюзией — легкое дуновение сладковатого запаха с привкусом гнили. Грязевой мицелий блестел, как будто где-то в нем или над ним горел свет, а его тончайшие нити поблескивали серебром. Вдруг я заметил еле различимое движение; одно грязно-серое ответвление поднялось, слегка расплзвшись, и, высовывая из себя набухающие капельками отростки, двинулось сквозь ячеи других в мою сторону; у меня было впечатление, что к окошку приближаются какие-то скользкие и омерзительные внутренности, движимые неустойчивой перистальтикой, приближаются, наконец они коснулись его и, прилипнув к стеклу, проделали несколько ползающих очень слабых колебаний, и все замерло; однако я не



мог отделаться от пронизывающего ощущения, что это желе смотрит на меня. Ощущение было неприятным, оно делало человека таким беспомощным, что я не смел даже отступить — как будто стыдился. В этот момент я забыл о глядящем на меня со стороны Диагоре, обо всем, что узнал до сих пор; все больше деревenea, я вглядывался широко открытыми глазами в этот ноздреватый плесневеющий студень, и меня охватывала могучая уверенность, что передо мной не просто живая субстанция, а существо; не могу сказать, почему так было.

Не знаю, как долго я стоял бы так, если бы не Диагор, который мягко взял меня за плечо, закрыл крышку и сильно зажал винтовой затвор.

— Что это? — спросил я с таким чувством, как будто он меня разбудил.

Только теперь пришла реакция в виде слабости и смущения, с которыми я смотрел то на дородного доктора, то на медный пышущий теплом резервуар.

— Фунгоид, — ответил Диагор. — Мечта кибернетиков — самоорганизующаяся субстанция. Нужно было отказаться от обычных строительных материалов... этот оказался наилучшим. Это полимер...

— А оно — живое?

— Как вам сказать? Во всяком случае, там нет ни белка, ни клеток, ни превращения тканей. Я пришел к этому после огромного количества проб. Я привел в действие — если говорить очень коротко — химическую эволюцию. Селекция, то есть выбор такой субстанции, которая на каждый внешний импульс реагирует определенным внутренним изменением, таким, чтобы не только нейтрализовать действие импульса, но и освободиться от его влияния. Итак, прежде всего тепловые удары и магнитные поля, излучение. Но это была всего лишь подготовка. Я давал ему последовательно все более трудные задания: применял, например, определенные конфигурации электрических ударов, от которых он мог избавиться только в том случае, если вырабатывал в ответ токи некоторого своеобразного ритма... Таким образом, я как бы вызывал у него условные рефлексы. Но и это была только начальная фаза. Очень быстро он становился все более универсальным; решал все более трудные задачи.

— Не понимаю, как это возможно, если он не обладает никакими чувствами, — сказал я.

— Честно говоря, я сам этого как следует не понимаю. Могу вам изложить только принципы. Если вы установите на кибернетической черепашке цифровую машину и пустите ее в большой зал, снабдив устройством, контролирующим качество ее поведения, вы получите систему, лишенную «чувств» и все-таки реагирующую на любые изменения среды. Если в каком-то месте зала возникнет магнитное поле, отрицательно влияющее на действие машины в целом, она немедленно отдалится в поисках иного, лучшего места, где этих помех не будет. Конструктор не может даже предусмотреть всех возможных помех, ими могут быть механические вибрации и тепло, сильные звуки, присутствие электрических зарядов — что угодно, машина не «замечает» никаких помех, так как не имеет чувств, значит она не ощущает тепла, не видит света и все же реагирует так, как будто видит и ощущает. Так вот, это только элементарная модель. Фунгоид, — Диагор положил руку на медный цилиндр, в поверхности которого, как в гротескно искажающем зеркале, отражалась его фигура, — умеет это и еще в тысячу раз больше. Идея такова: жидкая среда, в ней «конструктивные элементы», и первичная система может из них строить. Она черпала из этого избытка как хотела, пока не образовался тот мицелий, который вы видели...



— Но что это, собственно, такое? Это... мозг?

— Не могу вам сказать, для этого у нас нет слов. В нашем понимании это не мозг, так как он не принадлежит никакому живому существу и не был сконструирован, чтобы решать определенные задачи. Зато я могу вас заверить, что это... мыслит... Хотя и не так, как животное или человек.

— Откуда вы можете это знать?

— А, это целая история, — произнес он. — Разрешите...

Он отворил двери, обитые листовым металлом и очень толстые, почти как в банковском хранилище; с другой стороны их покрывали пластины из пробки и той же самой губчатой массы, на которой стоял медный цилиндр. В следующей, меньшей комнате также горел свет, окно было плотно завешено черной бумагой, а на полу, на расстоянии от стен, стоял такой же самый чан, отсвечивающий красным блеском меди.

— Так у вас их два? — спросил я ошеломленно. — Но зачем?

— Это был второй вариант, — ответил Диагор, запирая двери.

Я обратил внимание на то, с какой тщательностью он это делал.

— Я не знал, какой из них будет лучше действовать, есть существенная разница в химическом составе и так далее... Впрочем, у меня их было больше, но остальные негодились. Только эти два прошли все стадии отсева. Они развивались великолепно, — тянул Диагор, положив руку на выпуклую крышку второго цилиндра, — но я не знал, означает ли это что-нибудь: они добились значительной независимости от изменений среды, умели оба быстро угадывать, чего я от них требую, то есть разработали метод реагирования, приносящий выгоду, то есть делающий их независимыми от вредных раздражителей. Вы ведь признаете, что это уже кое-что, — повернулся он ко мне с неожиданной стремительностью, — если студенистая кашлица в состоянии электрическими импульсами решить уравнение, посланное ей с помощью других электрических импульсов?

— Вероятно, — согласился я, — но что касается мышления...

— Может, это и не мышление, — ответил он. — Речь идет не о названии, а о фактах. Немного погодя один и другой начали проявлять растущее — как бы это определить? — безразличие к используемым мной раздражителям. Разве что они угрожали их существованию. Однако мои индикаторы регистрировали в это время их исключительно оживленную деятельность. Она проявлялась в виде отчетливых серий разрядов, которые я регистрировал...

Он показал мне вынутую из ящика маленького столика ленту фотобумаги с неправильной синусоидальной линией.

— Серии таких «электрических припадков» происходили у обоих фунгоидов, казалось, без всяких внешних причин. Я начал заниматься этим вопросом более систематически и, наконец, обнаружил странные явления: тот, — он показав рукой на двери, ведущие в большую комнату, — генерировал электромагнитные волны, а этот их принимал. Когда я установил это, то сразу же заметил, что их деятельность была поочередной: один «молчал», когда другой «передавал».

— Что вы говорите?!

— Правду. Я сразу же заэкранировал оба помещения, вы заметили эти листы на дверях? Стены тоже обшиты ими, но покрыты лаком. Тем самым я сделал невозможной радиосвязь. Активность обоих фунгоидов возросла, через несколько часов упала почти до нуля, но на другой день была такой же, как обычно. Знаете, что произошло? Они перешли на ультразвуковые колебания — передавали сигналы сквозь стены и потолки...

— А, так для того эта пробка! — понял я вдруг.

— Именно. Я мог, конечно, уничтожить их, но что бы мне это дало? Я установил оба контейнера на звукопоглощающей изоляции. Таким образом, я вторично нарушил их связь. Тогда они начали разрастаться, пока не достигли нынешних размеров. То есть увеличились почти вчетверо.

— Почему?

— Понятия не имею.

Диагор стоял около медного цилиндра. Он не смотрел на меня; разговаривая, он то и дело клал руку на его сводчатую крышку, как бы проверяя ее температуру.

— Электрическая активность через несколько дней вернулась в норму, как будто им опять удалось установить связь. Я последовательно исключил тепловое и радиоактивное излучения, использовал всевозможные диафрагмы, экраны, поглотители, применял ферромагнитные датчики — безрезультатно. Я даже перенес этот, что стоит здесь, на неделю в подвал, потом вынес его в сарай, может, вы видели, он стоит в сорока метрах от дома... Но их активность за все это время не подверглась ни малейшему изменению, эти «вопросы» и «ответы», которые я регистрировал и все еще регистрирую, — он показал на осциллограф под завешенным окном, — шли беспрерывно, сериями день и ночь. И так продолжается до сих пор. Они работают безостановочно. Я пытался, так сказать, вторгнуться в среду этой сигнализации, влить в ее поток сфабрикованные мной «депешки»...

— Сфабрикованные вами? Значит, вы знаете, что они означают?

— Ни в малейшей степени. Но ведь вы можете записать на магнитофонной ленте то, что говорит один человек на неизвестном вам языке, и воспроизвести это другому, который тоже знает этот язык. Вот я испробовал этот способ — напрасно. Они посылают друг другу все те же импульсы, эти проклятые сигналы, но каким образом, по какому материальному каналу — не представляю.

— Возможно, несмотря ни на что, это деятельность независимая, спонтанная, — заметил я. — Простите меня, но в конце концов у вас нет никаких доказательств.

— В определенном смысле есть, — прервал он меня живо. — Видите, на ленте регистрировалось время? Так вот, существует четкая корреляция: когда один «передает», другой — «молчит», и наоборот. Правда, в последнее время запаздывание значительно возросло, но поочередность никак не изменилась. Вы понимаете, что я сделал самое лучшее? Планы, намерения, добрые или злые, размышления молчащего человека, который не

хочет говорить, вы узнаете, как-нибудь догадаетесь по выражению его лица, по поведению. Но ведь мои создания не имеют ни лица, ни тела — совсем так, как вы только что требовали, — и я стою сейчас бессильный, не имею никаких шансов понять. Должен ли я их уничтожить? Это было бы только поражением! То ли они не хотят контакта с человеком, то ли он невозможен, как между амебой и черепахой? Не знаю. Ничего не знаю!

Он стоял перед блестящим цилиндром, опершись рукой на его крышку, и я понял, что он уже говорит не мне, может быть, он вообще забыл о моем присутствии. Но и я не слышал его последних слов, так как мое внимание привлекло нечто непонятное. Диагор говорил все стремительнее. Он уже несколько раз поднимал правую руку и клал ее на медную поверхность: что-то в его руке показалось мне подозрительным. Движение было не совсем естественным. Пальцы, приближаясь к металлу, какую-то долю секунды дрожали, эта дрожь была чрезвычайно быстрой, не похожей на нервную, впрочем, раньше, когда он жестикулировал, его движения были уверенными и решительными, без всяких следов дрожи. Теперь я присмотрелся внимательнее к его руке и с чувством неопишемого изумления, потрясенный и одновременно с надеждой, что, может быть, я все-таки ошибаюсь, выдал:

— Диагор, что с вашей рукой?

— Что? С рукой? С какой рукой?.. — он удивленно взглянул на меня, так как я прервал нить его рассуждений.

— С той, — показал я.

Диагор протянул руку к блестящей поверхности, она задрожала; полуоткрыв рот, он поднес ее к глазам, тряска пальцев тотчас прекратилась. Он еще раз посмотрел на собственную руку, потом на меня и очень осторожно, миллиметр за миллиметром, приблизил ее к металлу; когда подушечки пальцев коснулись его, мышцы охватила как бы микроскопическая судорога, рука задергалась в еле заметной дрожи, и эта дрожь передалась всем пальцам. Потом он сжал руку, упер ее в бедро и приложил к медной поверхности локоть, и кожа ниже предплечья, там, где рука касалась цилиндра, покрылась рябью. Диагор отступил на шаг, поднял руки к глазам и, рассматривая их по очереди, прошептал:

— Так это я?.. Я сам... Это через меня, значит, это я был... объектом исследования...

Мне казалось, что доктор сейчас разразится судорожным смехом, но он вдруг сунул руки в карманы фартука, молча прошел по комнате и сказал изменившимся голосом:

— Не знаю, так ли это, но неважно. Вам лучше уйти. Больше мне нечего показать, а впрочем...

Он не договорил, подошел к окну, одним рывком содрал закрывающую его черную бумагу, распахнул настежь ставни и, глядя в темноту, громко задышал.

— Почему вы не уходите? — буркнул он, не оборачиваясь. — Так будет лучше...

Я не хотел уходить. Сцена, которая позднее, в воспоминаниях, выглядела гротескной, в этот момент, рядом с медным чаном, наполненным студенистыми внутренностями, которые

превратили тело Диагора в безвольного переносчика непонятных сигналов, пронизала меня одновременно ужасом и жалостью к этому человеку. Поэтому я охотнее всего закончил бы свой рассказ здесь. То, что произошло потом, было слишком бессмысленным. Вспышка Диагора, вызванная моей назойливой неделикатностью, его трясущееся от ярости лицо, оскорбления, просто бешеные вопли — все это вместе с покорным молчанием, сопровождавшим мой уход, производило впечатление кошмара, переплетенного с ложью, и я до сегодняшнего дня не знаю, действительно ли Диагор выгнал меня из своего мрачного дома, или возможно...

Но я не знаю ничего. Я могу ошибиться. Может, мы оба, он и я, стали тогда жертвой иллюзии, подверглись взаимному внушению, ведь такие вещи бывают.

Но если так, то как объяснить открытие, которое почти через месяц после моей критской поездки было сделано совершенно случайно? В связи с какой-то аварией электрических кабелей недалеко от дома Диагора ремонтники напрасно пытались достучаться до хозяина. А когда они проникли в дом, то обнаружили, что он необитаем и вся аппаратура разбита, кроме двух больших медных чанов, нетронутых и абсолютно пустых.

Я один знаю, что они содержали, и именно поэтому не смею строить никаких предположений о связи между этим содержимым и исчезновением его создателя, которого с тех пор больше никто не видел.

**Перевел с польского  
ДМ. БРУСКИН**